

**ЕСЛИ
ВРАЧИ
НЕ
ПОМОГЛИ**

**как вырастить
здорового
РЕБЕНКА**

Татьяна Шипошина

Если врачи не помогли

Татьяна Шипошина

Как вырастить здорового ребенка

«Издательство АСТ»

2017

УДК 616-053.2
ББК 57.3

Шипошина Т.

Как вырастить здорового ребенка / Т. Шипошина —
«Издательство АСТ», 2017 — (Если врачи не помогли)

ISBN 978-5-17-102954-8

Татьяна Владимировна Шипошина – детский врач, удачно совмещающий медицинскую специальность с литературной деятельностью. Она работает в обычной детской поликлинике и помогла уже десяткам и сотням маленьких пациентов. Доброта, чуткость и глубокая вера помогают Татьяне Владимировне увидеть самую суть проблемы, найти истоки болезни и привести ребенка к исцелению, не только физическому, но и духовному, не только ребенка, но и его родителей. Ведь болезни детей очень часто берут свои истоки из проблем взрослых. В этой книге нет однозначных ответов, есть только вопросы, которые задает себе неравнодушный участковый детский врач.

УДК 616-053.2

ББК 57.3

ISBN 978-5-17-102954-8

© Шипошина Т., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Текущий понедельник, или помилуй, Боже, участкового врача	5
Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Татьяна Шипошина

Как вырастить здорового ребенка

Текущий понедельник, или помилуй, Боже, участкового врача Записки врача, часть первая. 2001 г.

Часть 1 Прием

Снова понедельник, хмурое, серое утро. До работы двадцать минут пешком. Как раз хватает времени – три раза прочесть «Отче наш», три раза – «Богородица, дево, радуйся», один раз – Символ Веры, и иногда – на пару слов из любимого псалма: «Не дай, Боже, моему сердцу склониться в мысль лукавую, как поступают беззаконные, не дай мне вкусить сладости их...» Серафимово правило для мирян.

Спасибо тебе, Отче Серафиме, что разрешил ты читать правило – и лежа, и на ходу – тем, кто в труде, или в услужении. Так вот и я – и в труде, и в услужении.

Вот уже видно мою поликлинику, то самое место, где я нахожусь в своем труде, и в своем услужении. Я – обычный участковый детский врач, обычной подмосковной детской поликлиники.

Конечно, я не всегда была участковым врачом. Переживала и иные времена. Могу сказать, что не думала и не гадала, что в такие годы (в возрасте «выше среднего») мне придется ходить по вызовам.

Вообще, со мной часто случается то, что, казалось, не может случиться никогда. Ибо как только я скажу себе: «Никогда!», так рано или поздно это произойдет. Вот так когда-то, после института, я сказала себе, что «никогда!» не буду участковым. И вот результат.

Слабо успокаивает то, что я не оригинальна. Насчет «никогда не говорить «никогда».

* * *

Сколько же всего должно было произойти со мной, чтобы сейчас могла я спокойно сказать себе, идущей на участковую службу: «Спасибо, Господи, ты дал мне испытать в жизни многое, в том числе и то, чего я не хотела. Ты дал мне испробовать то, чего я не хотела никогда»

Прими из Божьих рук, прими то, чего не хотел! Прими это, как некий бутон – и, может быть, невиданной красоты цветок раскроется в твоих руках...

Но это уж, наверно, слишком – сравнить службу участкового врача с цветком. Это я переборщила! Смотри-ка, милая, там об чертополох не оцарапайся в цветнике своем!

Единственное, в чем я никогда не сомневалась, это в своем желании стать врачом. С четырнадцати лет сомнений уже не имелось.

Началось все так: я попала в хирургическое отделение нашей городской больницы. Болезнь моя оказалась не очень сложной, и достаточно скоро я встала на ноги. Долгими оставались только перевязки.

Природный инстинкт исследователя не давал мне жить спокойно. Как только на ноги встала, так начала исследовать весь хирургический корпус – и гнойную хирургию, и «чистую»,

и травму. Я выбирала для своих походов позднее время, когда жизнь в отделениях уже замирала. Это чтоб никто не мог прогнать и обругать меня за путешествия в неподобающих местах.

Я исследовала черную лестницу, чердак, подсобки. Я нашла то место, где стояли «черные» каталки. Я видела, как на одной из этих каталок вывозят умершего. Я даже пробралась в операционную, воспользовавшись моментом, когда операционные сестры ушли пить чай.

До сих пор помню, как замирало мое сердце! Насколько волшебной оказалась пустая, озаренная светом луны операционная!

Однако самым любимым местом моих походов была столовая на первом этаже. Я пробиралась туда в основном после отбоя. В столовой стоял старинный буфет с маленьким зеркалом, и там горела всю ночь тусклая электрическая лампочка. Там можно было посидеть с книгой, когда в палате все уже спали. И не только посидеть! Там я впервые начала сочинять стихи, складывая свои непонятные, непослушные мысли в такие же непонятные и непослушные строчки. Странное, однако, занятие!

Я помню отражение своего лица в зеркале старого буфета. Какое это было лицо! Не то чтобы очень красивое, но такое свободное! Каким бывает лицо человека, готового постигнуть тайну? Вот таким оно и было! И много, много раз я искала в разных зеркалах моей жизни это лицо. Иногда случалось так, что я улавливала что-то подобное – но это случалось так кратко-временно!

Не могу сказать, что не наблюдалось у меня больше хороших лиц. Хорошее, очень хорошее лицо оказалось в зеркале родильного дома, когда я уходила из него с первым сыном на руках. Хорошее лицо отражалось в том маленьком зеркале в палате совсем другого родильного дома, когда я готовилась к выписке со вторым, чудом родившимся, сыном. Хорошее лицо мелькало в зеркале одного театра, когда мне исполнилось лет тридцать, и спутник мой отражался рядом. И еще бывали хорошие лица, несколько раз. Но такого, как там, в зеркале больничного буфета, не было больше никогда.

Говорят, что когда-нибудь, после смерти, мы обретем новое тело и новую жизнь. Может, это прозвучит не очень убедительно, но я бы хотела вновь обрести себя с тем, четырнадцатилетним лицом, какое я видела в зеркале старого буфета. На том самом первом этаже хирургического отделения городской больницы, в том самом маленьком приморском городке, где давно уже меня нет.

* * *

Итак, я сидела возле буфета на первом этаже рядом с приемным отделением. Вдруг тишину разбили грубые крики, мат, и тяжелые, утробные стоны.

Ситуация быстро прояснилась. Привезли мужика, который откуда-то свалился, будучи пьяным. Были слышны громкие возгласы медсестер:

– Ноги плохо двигаются! Перелом голени! Перелом позвоночника! Весь побит! Весь в грязи!

Мужика на каталке подкатили к «грязной» перевязочной. Он глухо и надсадно стонал, периодически вздыхая матом. Медсестра начала разворачивать перевязочную.

А дежурил врач очень хороший, Иван Георгиевич, очень любимый в нашем маленьком городке. Потом он стал и завотделением, и ведущим хирургом в этой больнице, а тогда он был просто хорошим молодым врачом. Но и тогда имелось в нем что-то особенное, отличавшее его от остальных. Глаза, наверное. Глаза пронзительно-голубые, такие голубые, что взгляд его трудно было выдержать – казалось, он смотрел прямо внутрь тебя. Прямо туда, в диагноз.

И вот мужик, лежа на каталке перед дверью перевязочной, просит его:

– Слышь, доктор, дай закурить!

Иван Георгиевич вытащил из кармана пачку, вставил мужику в рот сигарету, сам зажег спичку. Тут медсестра стала торопить его:

– Иван Георгич, завозите, перевязочная готова!

Он ей отвечает:

– Сейчас!

Мужик курит медленно. То ли пьян, то ли от боли, потому что стонет глухо. Вообще, мне кажется, что он уже протрезвел, потому что стало меньше мата, а больше простого человеческого стога.

– Иван Георгич, ну сколько можно! – теряет терпение медсестра.

– Подожди маленько, сейчас.

Через три минуты диалог повторяется:

– Иван Георгич, но ведь ночь на дворе!

– Сейчас! – Он принимает у мужика из рук окурков, гасит его и сам закатывает каталку в перевязочную.

– С Богом! – говорит Иван Георгиевич. – Поехали.

Теперь стоны мужика глухо доносятся из перевязочной, потом стихают.

Вот и вся история. Никто не видел меня, зато я видела все. Я первый раз в жизни увидела нечто, чему практически нет названия. Потому что даже слово «милосердие» кажется каким-то деревянным. Я, собственно, никогда и не искала Этому названия. Потому что, когда есть Это, то все названия уходят на второй план.

Я ощущаю Это как некое проникновение, как некое схождение одного человека прямо в душу другого, как тот момент, когда все свое отходит на второй план – и усталость, и ночь, и даже профессионализм. А на первый план выходит тот, другой, – пусть пьяный, грязный, но человек, и человек страдающий.

Я еще не знала тогда, что Это бывает не только в больнице. Но тогда, ночью, когда я Это увидела в первый раз, я стала думать о том, что буду врачом.

Я еще тогда не знала... я не знала, как трудно бывает сохранить Это в своем сердце. И каким бедным и пустым бывает сердце, когда Этого в нем нет.

Ну, раз я вспомнила ту ночную историю, то сразу вспомнила и о другом. Работала в отделении, там, врач еще одна – Ирина Ивановна. Когда я к ней на перевязку попадала, так всегда вопила и стонала. Потому что больно она мне делала. Да еще и приговаривала, бывало:

– Ну, ты у нас нетерпеливая такая! Ну, ты же и разбалованная, совсем терпеть не умеешь! А как к Ивану Георгиевичу попаду, так лежу молча. Вроде бы и больно, и не больно.

Он меня все нахваливает:

– Ну ты молодец! Какая терпеливая!

И вот, на перевязке, со всем пылом своего юного желания я говорю Ирине Ивановне:

– Ирина Ивановна, я, наверно, буду в медицинский институт поступать!

– Ты что, – говорит она, – дурочка, не вздумай! Всю жизнь в крови да в гною копать!

На следующей перевязке Ивану Георгиевичу говорю то же самое. Он помолчал и отвечает:

– Да, – говорит, – из тех, кто сам страдал, часто хорошие врачи получаются! Только дело это трудное, смотри! Еще десять раз передумаешь!

– Нет, – говорю, – не передумаю!

– Ну а если не передумаешь, мы тебя к нам в отделение примем! Нам нужен хороший детский хирург. Давай, дерзай!

Такое было дано мне благословение.

Стихи же, написанные там, в столовой, остались. Вот они. Они посвящены Ивану Георгиевичу.

* * *

Мой доктор спокоен,
И в теплых руках
Замерзшая жизнь отогрета.
Мой доктор спокоен,
Строка дневника
И ночь, и его сигарета.

Мой доктор спокоен.
Закончился день.
Худая рука на коленях.
Мой доктор спокоен,
Как лунная тень —
Единственной лампы без тени.

Плохо правило свое прочитала, отвлеклась. Уже на ступеньках поликлиники мысленно говорю последнюю и главную свою молитву:

– Вы, все целители именем Господним, пребудьте со мной и с больными моими во весь этот день, даже тогда, когда я забываю о вас! Пусть все слова и действия мои будут больным во благо! И пусть никакая гадость не пройдет к ним через меня!

Потому что, действительно, как только прием начинается, в плотном потоке больных иногда забываешь даже, как тебя зовут. Работаешь иногда, как на автопилоте. Поэтому я и прошу заранее:

– Не оставьте меня, милые братья мои, когда я забываю о вас...

Все, я вхожу в кабинет, раздеваюсь – поехали! С Богом.

1

Текучка, текучка, текучка – может ли быть сильнее испытание человеку! Сначала в кабинет рвутся те, которых я вызвала сама. Прием утренний, надо успеть дать направления на кровь и мочу, пока лаборатория еще работает.

Потом начинают дергать двери и пробиваться «умные» и «хитрые»:

– Доктор, нам только справочку!

– Идите откладываете карточку и заходите по очереди!

Недовольство проявляется разными способами, в зависимости от темперамента. Иногда просто фыркнут, а иногда и дверью хлопнут.

– Доктор, а справку в бассейн дадите без ребенка?

– Нет, не дам.

– Доктор, да мы здоровы абсолютно!

– Да, но вы же не хотите, чтобы с вами плавал кто-нибудь, больной грибок? И другие тоже не хотят! Поэтому я должна хотя бы живот и руки вашему ребенку посмотреть!

Аргумент действует, но с трудом. Иногда и я не выдерживаю их напора и выписываю справку не глядя. Просто во избежание бурного проявления эмоций.

Кстати, очень часто нахожу чесотку – да-да, ту самую, которую лечат как аллергический дерматит или что-то еще. Воспринимается этот диагноз тяжело, как нечто позорное. Призрак

беспризорника времен Гражданской войны все еще витает над нами. Строго говоря, он и не улетал от нас никуда.

Настоящий больной, как правило, не бывает первым. И вообще, все настоящее никогда не рвется вперед, никогда не скандалит и не выпячивается. По этому косвенному признаку возможно отследить все настоящее, и не только в поликлинике.

Входит мама с мальчиком подросткового возраста. Мальчик явно заслуживает внимания. Мальчик полон, бледен, одышлив. Ему лет тринадцать, а весу – килограммов семьдесят пять. Начинаю слушать его, он прикрывает грудь, как девушка. Вообще я предпочитаю начинать слушать со спины, чтобы дать больному привыкнуть ко мне и себе дать к нему адаптироваться, составить некоторое мнение, прежде чем посмотреть больному в глаза. Тут даже это не помогло. Более того, он стоит весь потный, и покрасневший пятнами. Сердце его бешено колотится.

– Все, одевайся!

Мальчик вздыхает с облегчением. Я делаю вид, что не заметила его мучений. Отправляю мальчика с медсестрой взвешиваться и начинаю беседовать с мамой. Мама выглядит нормально.

– Давно он такой?

– Был все время – обыкновенный, а тут – вот такая беда!

– Давно?

– Примерно за полгода.

– Скажите, в семье есть люди с подобной комплекцией?

– Нет!

– Даже среди бабушек и дедушек?

– Нет! И едим мы, доктор, совсем немного. Он ест меньше меня!

– Извините за вопрос, но он – сын своего отца?

Она несколько смущена, но отвечает:

– Да, доктор, конечно.

Мальчика надо обследовать, и чем скорее, тем лучше. Может проявиться все что угодно, вплоть до онкологии. У меня остается еще один, почти риторический вопрос:

– Почему же вы не приходили раньше?

В сущности, ответ не важен. Основная часть ответа лежит на поверхности – и отсутствие времени, и трудность уговорить подростка пойти к врачу и т. д., и т. п.

Настоящая причина лежит глубоко, лежит там, внутри, и огрызается – «не тронь меня!»

Не трону, не достану. Только покажу матери рукой в ее сторону.

– Вот вам телефон эндокринолога. Вот вам все направления: на кровь, и на мочу, и на сахар, и биохимия. Вот ЭКГ. Это все, что можно сделать у нас в поликлинике. Все пройдете, и поедете к эндокринологу. Надо смотреть железы внутренней секреции, надпочечники. Только не останавливайтесь, не бросайте обследование на половине дороги – пожалейте мальчика своего! И обязательно – к невропатологу, обследовать головной мозг. Постарайтесь сделать все как можно быстрее. Может быть, эндокринолог вас сразу в больницу направит – будьте готовы.

Входят мальчик с медсестрой.

– Ну, все, брат, – говорю я ему бодрым голосом. – Я тут маме все рассказала. Не волнуйся, тебе можно помочь. У тебя есть еще возможность перерасти! Время еще есть – до восемнадцати лет!

Я совершенно в этом не уверена. И не вижу энтузиазма в глазах матери, что тяжелее всего.

Дай им сил, Боже, довести дело до конца.

Насчет смущения на приеме у врача есть у меня конкретное воспоминание. Уже когда я была студенткой, я сильно заболела. В приемном отделении больницы обустроены были такие

кабинки, задернутые желтыми занавесками. Сiju я в этой кабинке, вся разбитая своей болезнью и болью. Приходит терапевт, мужчина, и начинает меня слушать. И тут я чувствую, что его рука начинает достаточно недвусмысленно ощупывать мою грудь. Затем он просто и беззастенчиво начинает прижиматься ко мне сзади. Трудно передать, что я чувствовала – такое унижение, такую беспомощность. Меня как бы парализовало внутри – я не могла даже закричать. Стала натягивать на себя вещи, как-то отодвинула занавеску. А он вышел из кабинки как ни в чем не бывало. Говорит: «Все в порядке, я не выслушал ничего». Еще бы он что-нибудь выслушал!

Вот такая зарубка в памяти, на всю оставшуюся жизнь.

2

Хорошо, что я человек верующий. А иначе, без «Господи, помоги!», как можно ее вынести. Я увидела ее в дверном проеме, когда дверь открылась в очередной раз. Я и «Господи, помоги!» сказала-то про себя. Наружу прорвался только вдох, а за ним многозначительный выдох. Медсестра отреагировала сразу:

– Кто там?

– Лаврова.

Мед сестра тоже сделала вдох, ну а выдоха я не слышала – отвлеклась.

Она вошла через два человека. Ее лицо можно назвать симпатичным, если бы не застывшее выражение удивленного и слегка обиженного ребенка. Эдакая – не трогайте меня, я хорошая маленькая девочка. Я такая хорошенькая! Я маму и папу слушаю! Вы ведь все для меня сделаете, что я захочу?

Лет ей уже прилично за тридцать, волосы выкрашены в совершенно белый цвет.

Очки чуть-чуть уменьшают глаза, что усиливает впечатление. Голосок тоненький, как у ребенка. Естественно, разведена.

Ребенок – девочка пяти лет, разбалована, даже разболтана. На месте не стоит, не сидит, рот не открывает. Не дышит, когда говоришь «дыши», и сильно дышит, когда говоришь «не дыши». Я это уже знаю – так, наоборот, и говорю.

Можно было бы и правильно сказать, повоспитывать, что ли, но очередь большая, как всегда – нет времени на это. С нею и без воспитания сейчас не меньше чем полчаса просидишь, даже если ей просто справку в сад надо.

– Что случилось?

– Доктор, вы знаете... – И тут начинается длинный и путанный рассказ. Такой сбивчивый, с восклицаниями, который, по существу, сводится к тому, что девочка опять простудилась.

– Доктор, ну вы же нас знаете, вы нам капли в нос не назначайте, а то она мне все равно капать не дает! Ах, мы такие болезненные! Доктор, но вы скажите, почему она так часто болеет?

Пытаться ответить ей бесполезно. Она перебивает:

– Нет, ну так часто! Доктор, наверно, у нее что-то не так! Я уже ей травки купила, знаете, такие, в пачечках!

И тут же сразу подробности, типа:

– Я травки кипятила-кипятила, а они у меня все сбегают и сбегают! Ах, доктор, я, наверно, не правильно заварила? Нет, я все так, как на пачке написано! Я все правильно делала!

Как только дело подходит к моим назначениям, тут сразу начинаются возражения. Такие бурные! На любое мое слово, на любое предложение – сразу возражение, а то и два. Это мы не переносим! Это горькое! Это нам не помогает!

Ну вот, кажется, наконец, мы приходим к чему-то единому, и она даже встает со стула. Я затаила дыхание: неужели уходит? Но она останавливается и спрашивает:

– Доктор, а помните, что мы летом болели? У нас тогда такое расстройство кишечника было! Ведь и прошлым летом тоже! Нам бы обследоваться, почему она летом болеет.

Я снова делаю вдох, мысленно прошу меня помиловать, и:

– Вы же кал сдавали, мочу и кровь сдавали и УЗИ делали! Ведь все в порядке!

– Нет, а может нам в какой-нибудь институт надо съездить?

– Но ведь сейчас все у нее с кишечником в порядке!

– Да, сейчас в порядке, а вдруг летом опять расстройство будет?

– Будет расстройство, будем и обследоваться! (Слава богу, на дворе ноябрь!)

Я перехожу в наступление, если это можно так назвать:

– А то поедете в эти институты, там всяких заразных больных полно!

Это ее притормаживает, и она соглашается:

– Ну ладно, если заболеем – тогда поедем. Но, может быть, мы хоть тут, у нас, на дисбактериоз сдадим?

Мне приходится уступить.

Даже если я ей не дам направления, она пойдет к заведующему и ангельским лицом расскажет ему, что ей очень, очень надо сдать кал на дисбактериоз, а ужасный и неграмотный участковый врач не дает направления. И заведующий, во избежание скандала, даст ей это направление и еще кучу каких угодно направлений.

Дело-то – совсем не в дисбактериозе. Самое интересное в том, что дисбактериоз, конечно же, высеется, так как он сейчас практически у всех высеивается в той или иной степени. И не будем сейчас рассуждать о достоверности анализов и вообще о том, что такого диагноза не существует.

Может быть, даже очень компетентное лечение будет ей назначено. Но ведь ни одной таблетки, ни одного порошка она девочке своей не даст. Кучу причин придумает, чтобы не дать. Зато на следующем приеме меня ждет длительный и мучительный диалог на тему: «У нас дисбактериоз! Нам нельзя и того, и другого, и третьего...»

Девочка между тем уже облазила и вытерла собою все углы, сидит на корточках возле стула и занудно тыкает маму в бедро кулачком. Мне очень жалко это маленькое создание. Что угодно надо тебе бедной, только не анализ на дисбактериоз. И ничего я для тебя сделать не могу. И так мне больно это сознавать. И неизвестно, от чего больнее – от диалога с мамой твоей, или от того, что я ничего сделать не могу.

А очередь начинает волноваться, дверь приоткрывается то и дело. Медсестра не выдерживает и приглашает следующего, а она все не может уйти, все пытается спросить еще что-то. И я любезно говорю ей на прощание: «Вот придете, когда простуда кончится, тогда я вам все объясню».

Господи, помилуй! Помилуй ее! Помилуй и меня, на моей экстремальной работе.

3

Однако жизнь продолжается, вдыхать, выдыхать и отдыхать некогда. Аккуратно, как-то виновато, бочком, в кабинет просачивается Саша, худенький мальчик лет одиннадцати. У него модная длинная стрижка. Свитер дорогой, но великоватый ему и грязный.

Саша – наш пациент постоянный. Приходит в месяц раз, а то и два. И все кашляет, кашляет. И все у него течет вяло, все тормозит. Простуда вместо семи дней – десять. А бронхит вместо десяти – двадцать. Приходит он все время один. Однажды я не выдержала и маму вызвала. То есть говорю ему:

– Не буду тебе лечение назначать, пока мама не придет. А то я назначаю, а ты не выздоравливаешь!

– Нет, я лечусь! – отвечает. – Я таблетки пью.

– Ну, хорошо, пусть мама придет, может, мы что-нибудь новое тебе назначим, может, пообследуем тебя.

Мама пришла. Высокая, холеная, очень недовольная, что ее потревожили. Одежда модная, дорогая. Обтягивает ее фигуру чуть-чуть больше, чем стоило бы, учитывая неюный уже возраст. Разговаривает на повышенных тонах, губы сжимает:

– Зачем вы меня вызываете? Все, что вы назначаете, я ему даю! Вернее, он и сам уже взрослый. И прекрасно сам все пьет. Ему уже двенадцать лет скоро! Может, это вы неправильно назначаете?

– Понимаете, я хотела бы ему анализы и рентген сделать. Это все я не могу писать просто так. Это я должна взрослому человеку в руки дать! Вы же видите, что мальчик у вас болеет слишком часто и выздоравливает плохо.

– А... – говорит она, – ну, тогда давайте.

До нее дошло, наконец, что ее не ругают, и сопротивляться не надо.

– Давайте ваше обследование.

И повернулась, чтобы уйти – высокая, холеная, с видом победителя.

Смутным облачком шевельнулось в моей душе какое-то старое, похожее на обиженного Сашу, чувство. Всегда чуть-чуть робеешь перед кем-то высоким, холеным, уверенным в себе до наглости.

– Понимаете, – говорю, – таблетка из материнских рук лучше ребенку помогает! Может, ему просто больше вашего внимания надо?

По-моему, этого предложения она не услышала, по крайней мере, реакции не последовало. Она была занята поправлением прически перед нашим зеркалом.

Шпильки застучали по коридору – ушла, не обернулась.

Ну, ладно, думаю, обследование дала, а дальше бедному рабу Божьему Александру самому выплывать. Только что же он делать будет, когда кашель свой перерастет!

Люди проходят перед глазами, и иногда мне кажется, что я становлюсь участником какого-то действия, где я уже не я, а просто некая функция. Жаль, что я в математике не сильна. Становится свершено не важным, как я выгляжу, где и когда я родилась, где училась, и т. д. И мой кабинет становится маленькой точкой, видимой с огромной высоты.

Однако при этом остается очень важным, что в нем происходит, хотя деталей совершенно не разобрать. И мне нельзя, совершенно нельзя фальшивить. Упаси бог, я не имею права чего-то недосказать или сказать не так, и тем более что-то не так сделать.

Иногда появляется ощущение, что кто-то работает за меня. Но это бывает уже к концу приема и не каждый раз, а только при сильной усталости – после парочки таких больных, как моя Лаврова.

4

Следующая мамаша спокойная и простая, а вот ребенок – по-настоящему болен. Сидели дома с температурой восемь дней. Кашель болезненный. Весь, бедный, изгибается, морщится при кашле, под глазами круги уже не синие, а зеленые. Выслушиваю хрипы справа – скорее всего, пневмония.

– Что же вы так долго с температурой сидели дома – целых восемь дней?

– Да я все травками его лечила, думала – вот завтра все пройдет!

Вижу, что правда лечила. Странная работа у меня. То я говорю: «Чего так долго сидели», то думаю: «Чего притопали на прием, ничего же у вас нет!»

– Ну, ладно, скорее на рентген и быстро со снимком назад, чтоб нам еще один день не потерять!

– Доктор, а нам снимок отдадут?

Вот еще одна проблема – вряд ли им снимок отдадут!

– Просите! Не отдадут, все равно к концу приема возвращайтесь, хоть на словах пусть передадут, что там у вас. А то я вас в стационар направлю, и все!

В стационар они не хотят. Должны вернуться.

В случае с пневмонией лучше перестраховаться, чем ее пропустить. Пневмония по-прежнему страшна и коварна, течет не типично и встречается довольно часто. И болеют ею, как правило, люди без ярко выраженной неврастении. Не те, кто, простите, врача вызывает на каждую соплю. Болеют в основном те, кто мало жалуется. В этом есть какая-то высшая Божья мудрость. Тяжелое испытание дается более сильной душе.

Так что диагноз мой, скорее всего, правильный.

5

– Доктор, вас к телефону!

Боюсь я телефонных звонков! Ничего с этим поделать не могу! От каждого звонка как бы ожидаю подвоха, боюсь, что скажут сейчас: или больной отяжелел, или в стационар попал, или даже хуже того. Не могу ничего поделать, просто терплю свой страх, не даю ему границу переходить. Господи, помилуй!

Звонит заведующий:

– Я к вам больного послал, вы уж там его примите, это самое, без очереди, это внук нашего бухгалтера! Вообще, вы понимаете, это самое, хорошо их там примите!

– Да, поняла, приму! (Слава богу, никто не отяжелел!)

А насчет того, что я всех стараюсь принимать одинаково, я промолчу. Без очереди – это да, почему бы и нет, если это внук сотрудника нашего. И так у нас льгот практически никаких. Я бы ввела для медиков хоть лекарства, что ли, за половину цены. Но это уже история другая. Отвлекаться нельзя.

Симпатичный внук нашего бухгалтера оказался болен настоящей гнойной ангиной. Гнойные фолликулы в миндалинах, отечная шея. Будем лечиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.